

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ВЕЛИКОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

(ОТВЕТ КРИТИКАМ)

Мы весьма признательны за пристальное внимание, которое уделили нашей работе советские коллеги. Мы стремимся к улучшению методов своей работы над сложными и трудными вопросами, которыми мы занимаемся. Вопросы эти трудны как сами по себе, так и потому, что мы вынуждены разрабатывать их, пользуясь источниками, написанными в научной и философской традиции, отличной от нашей. С этой точки зрения мы можем только приветствовать обширную критическую статью трех видных советских ученых, посвященную нашей книге «Крестьянство Центральной России»¹, несмотря на то, что мы довольно резко оспариваем некоторые положения этой статьи.

Мы охотно принимаем некоторые фактические исправления, внесенные советскими рецензентами, и учтем их в своих будущих работах по этой тематике. Однако у нас создалось впечатление, что недовольство рецензентов нашей книгой основано на глубоком непонимании того, что мы пытались сделать и чего требует наш метод с учетом имеющихся в нашем распоряжении источников. Мы не ожидаем, что советские ученые примут нашу концепцию социальной роли и природы крестьянства, которая сильно (хотя, по нашему мнению, не непримиримо) отличается от марксистской. Поэтому ниже мы попытаемся ответить лишь на важнейшие из конкретных критических и иных замечаний советской рецензии; спорить о теоретических основах мы не станем. Мы сосредоточим внимание на важных методологических проблемах, а частные моменты затронем лишь постольку, поскольку это кажется необходимым для уяснения более широких проблем.

1. Характер книги. Прежде всего, мы с некоторым удивлением отмечаем, что в советской рецензии нигде не содержится указания для читателей о размерах нашей книги, ничего не говорится о том, какому читателю она адресована. Книга содержит всего 139 страниц; она вышла в серии «Конкретные исследования в области культурной антропологии»². Главная цель этой серии — познакомить студентов, изучающих антропологию, с основами этнографического метода и дать им некоторое представление о бесчисленном разнообразии культур и социальных систем, существующих в мире.

Если бы рассматриваемая книга представляла собой полновесную монографию страниц в 400, как это было первоначально задумано (такая монография еще стоит у нас на очереди), а не пособие для студентов на 139 страницах, многие из критических замечаний рецензентов оказались бы, по нашему мнению, значительно более оправданными.

Недостаток места заставил нас изложить многие вопросы схематично, отказаться от рассмотрения многих региональных особенностей и других подробностей; некоторые из них, вероятно, важнее, чем мы предполагали, когда писали книгу. Это в особенности относится к историческому введению о дореволюционной деревне и к главе о «материальной культуре и ее социальных коррелятах» (а не «корнях», как цитирует советская статья). Оба эти раздела будут, несомненно, значительно расширены и, как мы надеемся, улучшены в наших дальнейших публикациях. Следует также отметить, что имевшиеся в нашем распоряжении сроки и технические ресурсы не позволили нам полностью использовать имеющиеся статистические материалы; это также будет по возможности исправлено в дальнейшем; впрочем, ниже мы остановимся на некоторых трудностях и элементах риска, связанных с этнографическими выводами из статистических данных.

Выбор именно данной формы изложения материала, — несомненно, спорный с научной точки зрения — диктовался практическими соображениями: необходимостью, по

¹ Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева. Русское крестьянство в освещении американских этнографов, «Сов. этнография», 1969, № 1, стр. 164—172 (далее ссылки на эту рецензию даются в тексте).

² Здесь и ниже мы всюду пользуемся принятой на Западе терминологией в силу необходимости отличать антропологию как дисциплину или область знаний от этнографии как системы практических приемов или полученных данных (переводчиком сохранена терминология авторов).

нашему мнению, возможно скорее восполнить существенный пробел в этнографических сведениях, доступных западным ученым, не читающим по-русски, и особенно студентам.

II. Историческая перспектива. Быть может, наиболее серьезное из критических замечаний, высказанных о нашей книге, относится к попытке сопоставить в едином теоретическом построении данные, собранные М. Я. Феноменовым в Гадышах в 1920-х годах³, с данными сравнительно недавних исследований, проведенных южнее⁴. Как советские, так и американские рецензенты⁵ совершенно справедливо указывают на значительные различия между положением, которое описал М. Я. Феноменов, и тем, какое, по всей вероятности, имело место в тот же период в более южных областях и из которого выросла ситуация, показанная в исследовании о селе Вирятине. Подразумевается, что тем самым трудно, если не невозможно, экстраполировать данные о Гадышах 1920-х годов на Вирятино того же периода и далее на Вирятино начала 1950-х годов. Возможно, что мы и не согласились бы с советскими рецензентами по вопросу о том, в какой именно степени законна такая экстраполяция (они в этом вопросе не уточнили своей позиции), но во всяком случае мы отдаем себе отчет о существовании такой проблемы и остаемся в ней в нескольких местах своей книги⁶. С другой стороны, наш выбор был ограничен доступными нам источниками. Совершенно очевидно, что идеальный способ изучать изменения в культуре—это сравнивать описания одной и той же относительно небольшой популяции (предпочтительно одного и того же селения), сделанные в разные моменты времени, причем эти описания должны базироваться, насколько возможно, на той же методике и на тех же понятийных категориях. Столь же очевидно, что в данном случае этот идеал недостижим. Гадыши в недавнее время вновь не обследовались⁷. Насколько нам известно, это относится и к любому сопоставимому с ними селению в северной части Центральной России. Мы также не знаем ни одного исчерпывающего прямого этнографического исследования Вирятина (или сопоставимого с ним селения южной части Центральной России) в период до коллективизации⁸. Реконструкция образа жизни и обще-

³ М. Я. Феноменов, *Современная деревня*, т. I—II, М.—Л., 1925.

⁴ «Село Вирятино в прошлом и настоящем», М.—Л., 1958; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, *Культура и быт колхозников Калининской области*, М., 1964.

⁵ См. рецензии Л. Крадера на книгу Ст. П. и Э. Даннов (S. P. Dunn, E. Dunn, *The peasants of Central Russia*, New York—Chicago—San Francisco—Toronto—London, 1967), опубликованные в: «Slavic Review», vol. XXIII, № 2, p. 337—338, «American Anthropologist», vol. 70, № 3, p. 592—593.

⁶ «Следует с самого начала отметить, что ситуация, описанная М. Я. Феноменовым, совершенно специфична и в ряде отношений нетипична. Во-первых, деревня Гадыши исследована севернее любой местности, которая будет рассматриваться в настоящем исследовании. Особые условия—бедные почвы и невозможность жить одним земледелием—привели к появлению еще до революции своего рода полундустриализированного крестьянства» (S. P. Dunn, E. Dunn, *Указ. раб.*, стр. 15). «...Поэтому здесь отсутствует главный стимул к расширению участка—стремление к интенсивному земледелию. Приусадебный участок—это место, где воздвигаются строения, сушатся сено и лишь в последнюю очередь выращиваются овощи». Это очень существенный момент, так как в нем выражено одно из главных различий между крайней северной частью рассматриваемой территории и более южными районами. На юге Центральной России безземелье было хроническим до революции и некоторое время после нее, но в Гадышах и близлежащих районах это было не так (там же, стр. 16; приведенная цитата—М. Я. Феноменов, *Указ. раб.*, т. I, стр. 21). «Следует отметить, что деревни, изученные Шингаревым, представляли крайний случай, а также, что брошюра Белявского и Чернышева не является ни по задачам, ни по выполнению научной работой. Однако это единственный известный нам случай, когда отдельная деревня, обследованная до революции или приблизительно одновременно с ней, оказалась вновь хоть как-то изученной в недавнее время и где благодаря этому возможны конкретные, прямые сравнения» (S. P. Dunn, E. Dunn, *Указ. раб.*, стр. 121; выделено нами при цитировании).

⁷ Такое новое обследование имело бы огромную ценность и интерес, так как из недавних не специально научных публикаций можно сделать вывод, что северо-западный район столь же сильно выделяется в отношении экономической структуры, типа расселения и других особенностей, как и во времена М. Я. Феноменова. См., например: Ю. Черныченко, *Ржаной хлеб*, «Новый мир» (1968, № 11, стр. 177—207).

⁸ Возможно, что в Калининской области иное положение. Может быть, тщательные розыски среди опубликованных и архивных источников и в особенности в местной прессе соответствующего периода (что, разумеется, невозможно выполнить в Соединенных Штатах) обнаружили бы данные прямого наблюдения о каком-либо конкретном селении в период до коллективизации, достаточные для установления адекватной отправной точки при изучении изменений в культуре. Но это еще только часть проблемы. Современные этнографические данные о Калининской области приведены Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой в чрезвычайно обобщенном виде. Во многих случаях данные не привязаны к определенному месту, в других случаях—не к деревне, а к колхозу; таким образом, вводится еще одна неконтролируемая переменная. Наконец, самим данным о культуре недостает конкретности. Короче говоря, авторы изложили свой ма-

ственных условия прошлого по литературным и статистическим источникам, не отнесенным к определенному населенному пункту, и по воспоминаниям информаторов (а именно это мы находим в исторических главах монографий по Вирятину и по Калининской области) полезна для предварительной ориентировки при исследовании современности; в основном именно так используются исторические данные в большинстве известных нам советских монографий. Однако такого рода реконструкция не дает материалов, сопоставимых с результатами прямого этнографического наблюдения, и поэтому не может выполнять те же задачи.

Таким образом, перед нами встал выбор: либо совершенно отказаться от исторической перспективы в изучении культуры и тем самым от исследования изменений в культуре, либо же попытаться сочетать эти два разнородных элемента. Мы говорим об исследовании изменений в культуре», считая, что следует строго различать социальные изменения и изменения в культуре. Социальные изменения происходят в масштабе общества в целом; их можно более или менее адекватно изучать при посредстве статистических материалов и иных данных широкого охвата. Изменения же в культуре происходят в масштабе отдельного населенного пункта, в котором создается и передается культура; их можно изучать только на базе конкретных сведений, точно датированных и привязанных к определенному месту. Под социальными изменениями в той или иной стране мы подразумеваем индустриализацию и экономическое развитие, рост грамотности, возникновение и рост технической и гуманитарной интеллигенции, движение населения, особенности и механизм социальной мобильности в масштабе страны в целом и т. п. Попробовать же определить, как эти крупные изменения влияют на поведение и оценки конкретных лиц, живущих в конкретных населенных пунктах с определенной экологической приспособленностью и социальной структурой, и даже предсказать влияние на них этих изменений, мы переходим к изменениям в культуре, а для этого требуется конкретная этнография⁹.

Логично предположить, что крупные социальные изменения должны сопровождаться (или за ними должны вскоре следовать) соответствующими изменениями в культуре. Однако опыт учит, что разрыв между предпосылкой и ее реализацией может иногда оказаться весьма значительным. Именно это мы и пытались проверить в нашей книге, именно этот разрыв мы пытались измерить. Поэтому, когда наши советские оппоненты упрекают нас в излишнем подчеркивании «отдельных фактов, встречающихся в некоторых местах РСФСР в силу сложившейся там в определенный момент ситуации» (Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, стр. 170), то они бьют мимо цели. В конце концов каждый из нас живет в определенном месте, где сложилась определенная ситуация. Если хочешь изучать фактическое поведение конкретных людей приходится обращать внимание на конкретную ситуацию в пункте их проживания, а не только на общие статистические данные. Выводы советских этнографических монографий, касающихся современности, изложены, как правило, скорее в духе социальных изменений, чем культурных (согласно определению, данному нами выше); в ряде случаев это касается и значительной части содержащихся в этих монографиях фактических данных. Быть может, это и побудило В. Афанасьева написать (по поводу монографии о Калининской области), что «этнографическим такое описание можно назвать лишь с большой натяжкой»¹⁰.

Конечно, вполне возможно, что имеющихся данных просто недостаточно ни для описания изменений в культуре (в отличие от социальных изменений), ни для надежной оценки размеров этих изменений в Центральной России за послереволюционный период. Если это так, то наша книга основана на ошибочной посылке, и судить о ее ценности следует с учетом этого обстоятельства. Но мы не считаем, что ошиблись: доступные нам источники показывают, что крестьянство Центральной России до революции имело известные, общие для всех районов (с учетом исторических особенностей) основные общественные институты и формы организации (среди которых важное место занимала большая семья). Источники показывают также, что и в настоящее время у этого населения имеются некие основные общественные институты и формы организации, хотя в ряде случаев и иные, чем прежде. Короче говоря, мы не убеждены, что попытка изучить изменения в культуре крестьянства Центральной России является безнадежным предприятием, а это было бы так, если бы возращения советских рецензентов были верны.

III. Истокование труда М. Я. Феноменова. Отношение советских критиков к работе М. Я. Феноменова само по себе поднимает некоторые важные и интересные методологические вопросы. Например, не вполне ясно, на чем основано утверждение, что заключение Феноменова об отсутствии в Гадыхах стабильной классовой структуры является ошибочным (Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, стр. 170). Тернал так, что он оказался непригоден для нашей цели. На эти недостатки монографии о Калининской области указывалось в советских рецензиях на нее. См. рецензию В. Афанасьева в «Новом мире» (1968, № 10, стр. 272—273).

⁹ Нечто подобное, по-видимому, имел в виду советский литературовед Г. Д. Гачев, когда писал в своей статье, в высшей степени будящей мысль: «Плодами истории являются как общая для всех цивилизация, способная переноситься и строиться, так и культура, которую нельзя построить, как нельзя построить дерево» (Г. Д. Гачев, Социально-национальные картины мира, «Народы Азии и Африки», 1967, № 1, стр. 77).

¹⁰ В. Афанасьев, Указ. раб., стр. 273.

лева, стр. 166). Нам представляется, что это заключение совершенно логически следует из сообщаемых М. Я. Феноменовым данных, и тот, кто захочет его опровергнуть, должен либо указать на ошибки в наблюдениях автора (что в настоящее время было бы весьма затруднительно), либо предложить альтернативное истолкование их. Это, однако, не сделано в советской рецензии.

При написании своей книги мы придавали огромное значение данным и выводам М. Я. Феноменова по вопросу о социально-экономическом расслоении в Гадышах; для этого было по меньшей мере три причины. Во-первых, эти данные наводят на мысль, что такие индивидуальные психологические факторы, как алкоголизм, хронические или приводящие к неработоспособности психические и физические заболевания, высокая или низкая плодовитость, оказывали существенное влияние на социальную мобильность, главным образом в направлении ее снижения. Так как такого рода факторы обычно (хотя и неоправданно) не принимаются во внимание при социологическом моделировании, этот момент представлялся нам важным. Во-вторых, данные М. Я. Феноменова показывают функциональную природу неразделенной семьи в Гадышах, т. е. ее роль как механизма приспособления в данной ситуации, поскольку с разделом семьи снижалось социально-экономическое положение ее членов. В-третьих, тот факт, что одна и та же положительная корреляция между числом рабочих рук в семье и уровнем ее благосостояния наблюдалась в Гадышах до коллективизации и в Вирятине при колхозе, указывает на коренное структурное сходство между этими двумя ситуациями. По всем этим причинам нам было бы очень желательно ознакомиться с любыми фактическими данными, которые ограничивали бы или же опровергали выводы М. Я. Феноменова.

Аналогичные соображения относятся и к описанию М. Я. Феноменовым характера брачных отношений в Гадышах. Если рецензенты утверждают, что его описание неверно, им следовало бы подтвердить это конкретными данными. Кстати, беспокойство, проявляемое рецензентами по поводу упреждения нами терминов «эндогамия» и «экзогамия», не имеет достаточных оснований: эти термины относятся к группам, составляющим общество, но они в большинстве случаев ничего не говорят об обществе в целом. Большинство населенных пунктов, общественных классов, этнических групп и других подразделений, с которыми имеет дело исследователь общества, в известной степени эндогамны даже в наиболее развитых обществах; в то же время в любом обществе те или иные истинные или фиктивные родственные группы автоматически экзогамны в силу запрета кровосмешения.

В целом изображение Гадышей у М. Я. Феноменова не кажется нам архаичным. Напротив, он изображает общество, в котором уже далеко зашло капиталистическое развитие и в котором крестьянство в значительной мере пролетаризовано. Ни у нас, ни у М. Я. Феноменова община не показана внутренне единой, кроме как в некоторых определенных отношениях, а в этих отношениях сообщения М. Я. Феноменова основаны на прямом наблюдении. Например, наличие внутри общины социально-экономического расслоения и классовой борьбы, осуществление разного рода политического давления и принуждения на сходе не меняют того факта, что решение схода, будучи принятым, рассматривалось гадышскими крестьянами, как выражение их коллективной воли и как обязательное для всех членов общества¹¹. Опять-таки, если наблюдения М. Я. Феноменова неверны, то они должны быть опровергнуты другими свидетельствами. Тот факт, что типичные крестьянские общественные институты продолжают существовать, что люди, по данным М. Я. Феноменова, все еще в большинстве вопросов «вели себя как крестьяне», не доказывает, что автор «архаизировал» действительность, ни даже — что описываемая им действительность была архаичной. Скорее мы здесь имеем дело с примером упомянутого выше различия между социальными изменениями и изменениями в культуре.

IV. Колхоз и личное хозяйство. Это один предмет резкого расхождения между нами и нашими советскими критиками — это то, как мы пишем о личном хозяйстве колхозников. Нас обвиняют в том, что мы сильно преувеличиваем важность приусадебного участка и вообще личного хозяйства.

Сначала несколько общих замечаний. Мы видим, что, по данным на 1964 г., 73% яиц, 60% картофеля и 42% мяса из общего числа по Советскому Союзу произведено в личных хозяйствах колхозников, а товарное производство тех же продуктов составляло соответственно 43, 44 и 20%¹², в то время как площадь приусадебных участков колхозников составляла лишь 3,2 всей площади¹³. Кроме того, по данным на 1961 г., 42% всего дохода колхозники получали от личного хозяйства¹⁴. В свете этих данных не очень похоже, что мы преувеличили важность личного хозяйства колхозников, по крайней ме-

¹¹ См. у М. Я. Феноменова рассказ о конфликте по поводу налога маслом, в ходе которого делегаты схода были арестованы и рассматривались своими односельчанами как «вышестоящие и пострадавшие за сход» (М. Я. Феноменов, Указ. раб., т. II, стр. 34).

¹² Ю. В. Арутюнян, Опыт социологического изучения села, М., 1968, стр. 56.

¹³ В. Е. Григоровский, М. А. Алексеев, Личное подсобное хозяйство колхозников, рабочих и служащих в СССР, М., 1968, стр. 36. Эта цифра относится к 1956—1957 гг.

¹⁴ Ю. В. Арутюнян, Указ. раб., стр. 55.

ре исходя из общей статистики, которой так любят пользоваться советские авторы. Разумеется, вполне возможно, что в Вирятине (даже с учетом того, что это было другое время) личное хозяйство имело меньшее значение, чем можно было бы судить по этим сводным цифрам¹⁵. Но это лишь показывает, что выводы, сделанные из общегосударственной статистики, не всегда работают в одном направлении. Стоит также отметить, что даже в передовом, образцовом колхозе «Россия» Ставропольского края в 1963 г. подсобное хозяйство давало треть всего дохода (считая денежные и натуральные поступления) колхозной семьи¹⁶.

Впрочем, мы не утверждаем, что главное значение приусадебного участка заключается в получении от него дохода. Наша позиция совершенно противоположна: «Главное значение личного хозяйства с точки зрения семьи заключается в освобождении денежных средств, полученных за работу в общественном хозяйстве, которые удастсяратить на повышение жизненного уровня, благодаря тому, что на питание можно тратить очень мало» (Р. С. Дунп и Е. Дунп, стр. 59). Мы считаем, что данные о бюджетах, сообщаемые в исследовании о Вирятине и в других работах, полностью оправдывают этот вывод¹⁷.

Ясно, что противоречие между нами и нашими критиками в отношении личного хозяйства частично проистекает из простого языкового недоразумения. В своей статье Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская и М. Н. Шмелева (сноска 11) обвиняют нас в том, что мы перевернули их высказывания в монографии о Вирятине с ног на голову, приписав улучшение уровня жизни колхозников частному, а не общественному хозяйству. На самом деле мы в данном контексте употребили слово «частный» (private) лишь для того, чтобы показать, что речь идет о доходах отдельной семьи (естественно, с включением заработка ее членов в колхозе), а не колхоза в целом¹⁸. Это можно было понять из предложений, непосредственно следующих за цитатой, приведенной Л. А. Анохиной, В. Ю. Крупянской и М. Н. Шмелевой в сноске 11.

V. Источники. Использование нами источников вызывает ряд нареканий, в разной степени справедливых. Прежде чем приступать к рассмотрению этих вопросов, мы должны сделать одно общее замечание. Советские критики упрекают нас за «использование советских работ лишь с точки зрения содержащегося в них материала» (Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, стр. 165), как будто это в какой-то мере необычный или в научном отношении сомнительный метод. Между тем на самом деле этот метод обычно употребляется тогда, когда автор не согласен полностью с теоретическими положениями работы, которая служит ему источником. А это имеет место в большинстве случаев, даже при отсутствии спорных идеологических моментов. Мы считаем использование этого метода в данном случае полностью оправданным и хотели бы напомнить рецензентам, что советские этнографы действуют точно так же, когда речь идет об Африке, Латинской Америке или еще какой-либо другой территории, где они не имеют возможности вести непосредственные этнографические наблюдения. Это совершенно закономерно: разумеется, нельзя ожидать или требовать от советских авторов, чтобы, используя данные западной антропологии, они каждый раз перенимали ее методы и исходные положения (и предубеждения). Это относится в той же мере и к нам. Конечно, сказанное не следует рассматривать как попытку оправдать неряшливость в работе: во всех случаях, когда недостаточное внимание к методологии исследования, примененной в трудах источников (как и любой другой недостаток), стало причиной очевидной фактической ошибки, нашу работу необходимо исправить, и мы это сделаем.

Критические замечания советских рецензентов по использованию нами источников сводятся к трем основным моментам: а) неправильное истолкование или предвзятое и

¹⁵ В своей работе (S. P. Dunn, E. Dunn, Указ. раб., стр. 59) мы приводим данные об оплате трудовой в других областях; эти данные заставляют предполагать, что колхоз «Путь Ленина» был для того времени геобычно устойчивым и процветающим и что в то же время во многих других частях страны любое повышение жизненного уровня неизбежно имело источником личное хозяйство.

¹⁶ «Колхоз — школа коммунизма для крестьянства (комплексное социальное исследование колхоза «Россия)», М., 1965, стр. 222.

¹⁷ Кстати, мы нигде не даем понять, что приусадебные участки засеваются зерновыми (см. Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, стр. 169), но действительно утверждаем (как оно и есть на самом деле), что значительные избытки зерна, имеющиеся в семьях, получаются из колхоза (Р. С. Дунп, Е. Дунп, Указ. раб., стр. 51—54). К тому же зерно как форма оплаты сохраняло большое значение даже в 1969 г. (см. «Сельская жизнь», 21 марта 1969 г., стр. 2).

¹⁸ По-английски представляется логической нелепостью называть «личным» (personal) имуществом то, что принадлежит не одному лицу. Поэтому не всегда верно переводить слово «личный» как «personal» или, с другой стороны, слово «private» переводить на русский язык как «частный». Особенно это относится к тем случаям, когда эти слова по-русски употребляются как марксистские термины. В нормальном английском словоупотреблении имущество и хозяйство колхозной семьи являются не общественным (public), не личным (personal), а корпоративным (corporate). Ввиду этого затруднения, может быть, лучше было бы обозначать тот тип общественной собственности, который допускается при социализме, как по-русски, так и на других языках, каким-либо совершенно иным, не связанным с этими словами термином. Может быть, «не эксплуататорская собственность».

тенденциозное использование источников, которые сами по себе приемлемы (таких, как крупные этнографические монографии); б) использование неудовлетворительных источников, особенно массовой прессы; в) неиспользование имеющихся источников. Каждый из этих моментов связан с особыми проблемами, и мы их рассмотрим отдельно.

а) Критические замечания первой группы в общем нас не убеждают. Например, нас обвиняют в том, что мы не упомянули о сезонном характере интенсивной работы в животноводстве и о наличии длительных перерывов в рабочем дне колхозников, занятых в этой отрасли хозяйства (Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, стр. 168). Между тем мы упоминаем о втором из этих обстоятельств, хотя и косвенным образом¹⁹. К тому же существенным здесь является вопрос, достаточны ли эти перерывы, чтобы работники могли сходить домой и снова вернуться к месту работы иногда на большое расстояние, не имея никакого транспорта, кроме собственных ног. Утверждают ли наши советские критики, что долгий рабочий день с перерывами представляет благоприятные условия работы? Если так, то похоже, что молодые колхозники с ними не согласны. Более того, в монографии о Калининской области сообщается, что в период сенокоса рабочий день еще длиннее, чем указанный нами (десятичасовой), о котором рецензенты пишут, что он имеет место только в разгар сельскохозяйственных работ.

Что касается отходничества в советский период, то нас обвиняют в преувеличении; мы же всего лишь воспроизводим данные из монографии о Вирятине. При этом мы не высказали никаких суждений о распространении отходничества в целом по Центральной России. Неверно также и то, что мы «совершенно отбрасываем интерпретацию этих явлений советскими этнографами» (Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, стр. 170). Авторы монографии о Вирятине связывают уменьшение отходничества в то время с улучшением экономических условий²⁰, и мы приводим это мнение, не вынося никакого самостоятельного суждения.

Что касается отбора нами будто бы в качестве примера семей, в быту которых наиболее сильно сказываются «патриархальные пережитки», то мы сразу же отвергаем такое обвинение. Мы подробно обсуждали примеры, содержащиеся в исследовании о Вирятине, и табличные данные о структуре семьи из обоих трудов, служивших нам источниками (к сожалению, монография по Калининской области не содержит заметного числа конкретных случаев); примеры и наши комментарии напечатаны разным шрифтом, что позволяет читателю делать собственные выводы. Кроме того, мы комментировали не только седьмой пример, представляющий классическую неразделенную семью, но и восьмой, представляющий противоположную крайность, а также другие примеры, занимающие промежуточное положение. Кстати, мы с интересом узнали, что пример, заключающийся у нас под № 5, не следует рассматривать как случай фиктивного раздела. Высказывая это предположение, мы имели в виду лишь тот факт, что получение еще одного личного участка дало этой семье по сравнению с другими отчетливое материальное преимущество, но обязательно пропорциональное потребительским нуждам семьи. Нам известно, что в прошлом сходные случаи рассматривались как фиктивные разделы; если это более не принято, то подобное изменение можно только приветствовать: оно знаменует более реалистическое отношение к семейной структуре со стороны советских ученых и официальных лиц.

Наши замечания о «конкуренции» (competition) между личным (private) и общественным хозяйствами оказались совершенно непонятыми советскими рецензентами: мы писали не о конкуренции в узко экономическом смысле, а о распределении ограниченных ресурсов, что имеет место при любой социальной системе. Если исходить из того, что даже при социализме количество часов в сутках и трудоспособность работника не беспредельны, станет ясно, что и при этой социальной системе два альтернативных варианта использования времени и сил могут конкурировать друг с другом. Говоря конкретно, эта конкуренция особенно бросается в глаза при рассмотрении вопроса о том, где следует работать женщинам — в общественном или в личном (private) хозяйстве²¹. Здесь встает совершенно отчетливый вопрос: как использовать время и труд женщин как определенных ограниченный вид ресурсов?

Еще одно, особенно досадное, непонимание нашего текста отражено в обвинении в том, что «в разделе о радиофикации мимоходом высказано совершенно необоснованное замечание, что колхозники газет не читают из-за занятости и недостаточного образования» (Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, стр. 169, сноска 12. — Разрядка наша). На самом деле мы писали следующее: «Там, где заметная доля населения не имеет возможности много читать из-за недостатка времени или образования, радио — единственное надежное средство связи с внешним миром» (разрядка наша).

¹⁹ «Большинство работающих в этой отрасли — женщины; они начинают рабочий день в 5 часов утра и заканчивают около 9 часов вечера; в течение этого долгого дежурства они вынуждены также заниматься своим домашним хозяйством» (Р. С. Дупп, Е. Дупп., Указ. раб., стр. 44).

²⁰ «Село Вирятино в прошлом и настоящем», стр. 174.

²¹ В конце 1967 и начале 1968 г. «Известия» опубликовали ряд писем и заметок под рубрикой «Женский труд» («Известия», 21 марта 1968 г., стр. 2). Следя за обсуждением образцового колхозного устава на страницах «Известий» и «Сельской жизни», мы убеждаемся, что Харьковскую область следует рассматривать как одну из наиболее передовых областей Советского Союза; примечательно, что такого рода проблемы не ограничены определенными географическими районами или только отстающими колхозами.

Другими словами, радио — единственный способ наверняка установить контакт со всеми жителями села. Этим замечанием мы хотели лишь мимоходом напомнить читателю, что культурная революция в деревне продолжается и не завершена полностью. Может быть, радио не имеет настолько большого значения, как мы думали, но наличие в деревнях Центральной России книг, телевидения, фильмов и даже домов культуры, оборудованных по современным советским городским стандартам, строго ограничено (т. е. в отдельных пунктах, где, повторим, и живут конкретные люди). Это убедительно показано в многочисленных статьях в советской печати, которые нельзя отбросить как развлекательную журналистику²².

б) Советские критики недовольны тем, как мы использовали материалы из газет и массовых журналов для восполнения собственно этнографических данных. Мы признаем, что при пользовании этим материалом возникают трудные проблемы отбора и репрезентативности. Мы уже прежде в дискуссии с советскими учеными высказали свою точку зрения по этому вопросу²³, но сделаем это теперь еще раз.

Во-первых, многие из цитируемых нами газетных статей дают широкие обзоры положения на обширной территории (например, в нескольких областях, в ряде случаев расположенных в разных частях страны). Если впечатление, создаваемое такого рода обзорами, неверно, нам представляется, что ответственность за это должна быть возложена на составителей этих обзоров. Во всяком случае, данные этих статей нельзя просто отбросить (без конкретных дозодов) как отражающие лишь местные или исключительные ситуации. В тех случаях, когда мы все же пользуемся чисто местным очерковым материалом, положение иное. К сожалению, массовая печать является для нас единственным источником сведений (кроме собственно этнографической литературы) о фактическом поведении людей. Статистические источники не могут его заменить. Даже за средней цифрой по области в целом могут скрываться широкие вариации в условиях отдельных сел, где живут конкретные люди. Стоит снова повторить, что изменения в культуре — это изменения в поведении, а не в статистических данных.

Мы снова и снова предупреждали американского читателя о заметно негативном уклоне в советской прессе, связанном с ее агитационным характером. Мы приложили все усилия, чтобы не делать далеко идущих выводов из отдельных фактов, как бы они ни были интересны, а обобщать только в тех случаях, когда сходные факты повторяются на обширной территории и в течение длительных периодов времени. Нам непонятно, как можно по справедливости требовать от нас большего. В конце концов, мы сидели за столом на расстоянии более чем 6 тысяч миль в течение более 10 лет, пытались составить мозаичную картину советской жизни; читатель должен нас извинить, если в настоящему времени мы начинаем видеть определенный узор. Мы не утверждаем, что это наилучший способ заниматься этнографией, но это единственный доступный нам способ. Мы с надеждой ожидаем того времени, когда отпадает необходимость работать таким образом.

в) Что касается обвинения в недостаточном использовании имеющихся источников мы, разумеется, не претендуем на то, что исчерпали свою тему. Однако те конкретные добавочные источники, которые предлагают наши советские критики, как нам кажется, не помогли бы нам существенно дополнить нашу работу. Говоря конкретно, тома серии «Народы мира», превосходные как вводный обзор для студентов и для других аналогичных целей, не очень подходят для использования в выполняемой нами работе. Приведенные там факты не подтверждены подробными ссылками; данные, особенно в разделах о современности, сильно обобщены²⁴. Мы использовали главу «Русские» для одного

²² В одной статье в «Сельской жизни» (9 апреля 1969 г., стр. 3) указывается, что многие сельские библиотеки получают книги, которые не только не пользуются спросом, но которых они и не просили. Из 60 тысяч сельских библиотек только 980 участвуют в системе книгообмена. Из «Сельской жизни» (17 мая 1968 г., стр. 4; 28 июля 1968 г., стр. 3) мы узнаем, что сельские жители имеют основание жаловаться на недостаточное количество и низкое качество показываемых им фильмов. Даже в интересном докладе о работе Всероссийского театрального общества («Сельская жизнь», 18 июня 1968 г., стр. 3) отмечается тенденция показывать в деревне упрощенные спектакли или фарсы. Недостаток по-настоящему хороших пьес для растущих в культурном отношении аудиторий соединяется с недостаточным применением новых методов, таких, как «поезда культуры». В 1967 г. было образовано 3 тысячи любительских театральных групп, но они нуждаются в руководстве. По статьям о положении клубных работников, например в Саратовской и Курской областях («Сельская жизнь», 12 июля 1968 г., стр. 3; 5 января 1969 г., стр. 3), можно судить, что те, кто пытается на местном уровне оказать такое руководство, часто очень молоды или не имеют необходимой подготовки. Многие работники опускают руки перед встречаемыми трудностями и просто уходят с работы. Все большее число людей обращается за развлечением и образованием к телевидению, но обзор, недавно проведенный газетой «Сельская жизнь» (11 апреля 1968 г., стр. 4), показал, что сельские жители не полностью удовлетворены теми программами, которые им предлагают.

²³ «Current Anthropology», 1967, vol. 8, № 3, p. 204.

²⁴ Наше мнение по этому вопросу уже известно: см. «Current Anthropology», 1967, vol. 8, № 3, p. 204.

из своих разделов, так как в данном случае характер нашего изложения допускал подобный подход²⁵, а также для изложения темы жилища (S. P. Dunn, E. Dunn, стр. 116). Однако мы не нашли в этой книге подробных и конкретных социологических и экономических данных, которыми мы могли бы пополнить главы вторую и третью. В частности, на стр. 201 первого тома «Народов Европейской части СССР» отсутствует упоминаемое рецензентами подробное освещение соотношения общественного и личного хозяйства.

VI. Политическая роль колхоза. Несколько особый вопрос поднят нашими критиками в их утверждении, что колхоз не имеет никаких политических функций (Л. А. Анохина, В. Ю. Крулянская, М. Н. Шмелева, стр. 168). Замечание их, по-видимому, касается одного, может быть, неудачно сформулированного отрывка²⁶. Выражение «несут формальную политическую ответственность» по замыслу относилось лишь к тому факту, что колхозник, пока он оставался в колхозе, не имел внутреннего паспорта и его юридическое положение в обществе определялось членством в колхозе. Но утверждая, что колхоз не несет политических функций, рецензенты заходят чересчур далеко. Если верно, как это считаем мы, что основная политическая функция заключается в регулировании поведения людей, нельзя сказать, что колхоз не является органом политической власти. В конце концов колхоз берет на себя государственные функции, когда строит общественные здания, предоставляет населению услуги и устанавливает правила, которым обязаны подчиняться его члены. Эти функции постоянно упоминаются в передовых статьях газет и других печатных материалах, появляющихся в связи с новым колхозным уставом²⁷. То, что относится к колхозу, по-видимому, относится в меньшей степени также и к бригаде²⁸.

Возможно, что здесь мы снова сталкиваемся с проблемой семантического характера — вопросом о том, какие функции рассматриваются с советской точки зрения как политические и какие — как неполитические. Если это так, мы были бы рады получить

²⁵ S. P. Dunn, E. Dunn, Указ. раб., стр. 99. Ряд замечаний в советской рецензии, относящихся к этому месту, вызывает у нас недоумение. Советские авторы утверждают, что осыпание молодых монетами «абсолютно не свойственно» русскому свадебному обряду (Л. А. Анохина, В. Ю. Крулянская и М. Н. Шмелева, стр. 171). Однако в т. I «Народы Европейской части СССР» (стр. 471) имеется следующее предложение: «Потом переходили в дом молодого, где продолжалось пиршество, во время которого молодых золотили». Как это понять?

Советские рецензенты несколько упростили нашу позицию в вопросе о свадебном обряде. Мы не утверждаем, что он остался неизменным. Мы писали следующее: «Интересно, что во всех случаях, когда в нашем распоряжении имелось подробное описание, относящееся к советскому периоду, описанные обряды очень близки, по крайней мере внешне, к традиционному типу XVIII и XIX вв.» (S. P. Dunn, E. Dunn, Указ. раб., стр. 94; разрядка введена нами при цитировании). Рецензенты пропустили две важные оговорки, которые мы здесь подчеркнули. Мы склонны думать, что истолкование того или иного обряда, даваемое его участниками, есть нечто отличное от содержания и самого обряда (хотя изменение в истолковании со временем должно привести к изменению в содержании). Дело в том, что истолкование можно узнать только из слов информаторов, а их слова, по крайней мере частично, зависят от того, что, по их мнению, хочет услышать этнограф: ведь он из города и, кто знает, может быть, представитель начальства.

²⁶ «В отношении крестьян Советской России перед нами стоит еще один вопрос — это вопрос о взаимоотношении между колхозом (являющимся центром их хозяйственной деятельности и перед которым они несут формальную политическую ответственность) и селом (являющимся традиционной организационной формой и с которым они, вероятно, эмоционально наиболее тесно связаны)» (S. P. Dunn, E. Dunn, Указ. раб., стр. 39).

²⁷ Материал по этому вопросу весьма обилен. Мы сошлемся лишь на передовую статью газеты «Известия» — «Закон колхозной жизни» (25 апреля 1969 г., стр. 1), в которой новый колхозный устав рассматривается в трех разрезах: экономическом, политическом и социальном. Мы также внимательно прочли замечания члена-корреспондента Академии наук СССР В. Чхиквадзе («Сельская жизнь», 13 мая 1969 г., стр. 2). Он указывает, что государственные органы работают через посредство колхоза, а также, что колхоз — кооперативная, самоуправляющаяся организация. Каждый сколько-нибудь внимательно прочитавший проект устава должен увидеть, что колхоз вырос в сложный механизм, имеющий множество частей; одна из них — это подразделение колхоза, называемое бригадой. Впредь бригадир будет избранным представителем своего подразделения, утверждаемым колхозом.

²⁸ Согласно новому уставу, бригада проводит собрания, которые рассматриваются как подразделения общего колхозного собрания («Сельская жизнь», 13 мая 1969, стр. 2). Целый ряд пишущих по этим вопросам рассматривает совет бригады как естественную инстанцию для решения на месте срочных вопросов, которая иногда снимает с центрального правления колхоза мелкие вопросы, касающиеся лично отдельных колхозников. Это совершенно закономерно, учитывая крупные размеры большинства современных советских колхозов и значительную распыленность их населения. Мы предоставляем другим подробное рассмотрение вопроса: не является ли бригадная система и совет бригадиров признанием того, что в ряде мест желательно было бы уменьшить размеры производственных единиц.

от своих советских коллег дальнейшие сведения по этому вопросу. При советской системе считается, что только государство должно предоставлять образование, медицинское обслуживание, коммунальные услуги и т. п.; казалось бы, если колхоз предоставляет все это, он может делать это только как агент государства. К тому же, по-видимому, как ни желательно, чтобы колхоз в этой области действовал через сельсовет, он далеко не всегда это делает, как, например, при благоустройстве пригородных районов²⁹.

VII. Что является типичным? Проблема типичного — типичного колхоза, села, типичной семьи, типичного завода или советского гражданина — проходит красной нитью через все, что говорилось выше в настоящей статье, и через рецензию наших советских критиков. Пора атаковать в лоб этот трудный пункт: он является главной нерешенной проблемой в изучении великорусского крестьянина и вообще любой части советского населения. Вкратце проблема сводится к следующему: советские рецензенты обвиняют нас в отборе данных, дающих неверное представление о советской действительности. В то же время советские этнографы, в том числе и сами рецензенты, не сообщают тех точных критериев, на основании которых выбраны объекты их исследования. Какими статистическими или иными методами проверяется конкретная семья для определения того, насколько она типична для своего колхоза, области или страны в целом? Советские этнографические исследования, послужившие нам источниками, в отличие от социологических исследований, просто не сообщают этого. Поэтому мы не имеем возможности судить о степени представительности определенной семьи, деревни и т. д., и нам остается решать вопрос интуитивно, как это обычно практиковалось на протяжении всей истории культурной антропологии. Собственно это и явилось причиной того, что этнографический метод в том виде, в каком он до настоящего времени применялся, оказался крайне ограниченным при попытках изучать с его помощью сложные общества³⁰. Культурная антропология не была в прошлом и не является в настоящее время статистической наукой.

Из сказанного очевидно, что мы отнюдь не увлекаемся статистикой. Мы не требуем, чтобы к объектам изучения этнографов обязательно применялись статистическая проверка репрезентативности. С другой стороны, однако, какой мы должны сделать вывод, когда видный советский социолог В. А. Арутюнян говорит, что, «к сожалению, сейчас во многих работах очень часто нарушаются самые элементарные требования научно обоснованного выбора объекта исследования. В печати уже оправедливо критиковали, например, книгу этнографов о Калининской области, которые пытались опыт передового пригородного колхоза имени Ильича, Бежецкого района Калининской области выдать чуть ли не за всеобщий опыт»³¹. Далее тот же автор отмечает тенденцию выбирать для социологического исследования передовые колхозы. Он считает это в некоторых отношениях положительным явлением (мы тоже), но продолжает: «Однако не следует ограничивать выбор только одними передовыми колхозами. Колхоз «Россия», изученный ставропольцами, подумывает о покупке самолета и имеет избыток агрономов, в то время как подавляющее большинство колхозов нуждаются в квалифицированных кадрах и от времени до времени испытывают финансовые затруднения в связи с закупкой необходимого оборудования. Интересоваться только передовыми колхозами означает по существу избегать настоятельных проблем, которые, естественно, стоят острее в обычных колхозах»³². Как мы должны отнестись к резкой критике монографии о Калининской области со стороны опытного журналиста Л. Иванова, который специально останавливается на этой самой проблеме типичности?³³

Мы просим понять нас правильно: мы не имеем основы для самостоятельного суждения об этих критических замечаниях и не выносим такого суждения, потому что, как отмечают наши критики, мы ничего не знаем о русской сельской жизни непосредственно из личного опыта. Мы можем лишь настолько хорошо выполнить работу, на-

²⁹ «Сельская жизнь», 4 июля 1969 г., стр. 3. В данном случае заметка относится к пригородам Харькова, однако в настоящее время в СССР проблема людей, живущих в колхозах, но работающих в других местах, приобретает все большее значение. В этом, как и в других вопросах, механизм решения проблемы носит несколько устарелый характер.

³⁰ Выражение «сложное общество» мы употребляем в специфическом значении общества, разделенного на классы или иные разнородные общественные группы, в отличие, скажем, от первобытного племени или изолированной крестьянской деревни.

³¹ Ю. В. Арутюнян, Указ. раб., стр. 30.

³² Там же, стр. 31 (разрядка наша.— Ст., Э. Д.).

³³ «Колхозники говорят, что они уже «потеряли счет новым домам». Но ведь не могли так сказать колхозники. Не могли! Ведь пальцев рук хватало бы для подсчета построенных здесь новых домов.

Фальшь небольшая, но после нее начинаешь сомневаться и в других фактах.. Но беда, думается, в том, что кругозор был ими искусственно сужен, для наблюдений были выбраны не типичные районы и хозяйства Калининской области, в результате обобщения оказались не совсем объективны» («Новый мир», 1965, № 4, стр. 273—274 (разрядка наша.— Ст., Э. Д.).

сколько это допускают наши источники, и считаем, что добросовестно старались как можно полнее их использовать. Если, например, мы «арханзироваали» русскую сельскую культуру, мы это сделали только на основании доступных нам источников. Если мы, как указывают наши критики (Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, стр. 167), не осветили внутрисемейные отношения, то это произошло потому, что мы не нашли в советской литературе материала по этой теме, которую, правда, труднее изучить и объективно описать, чем любую другую этнографическую проблему³⁴. В частности, чтобы быть уверенным в своей объективности при выборе данных, мы должны иметь какое-то представление о тех критериях, на основании которых авторы наших источников выбрали свои данные.

Прежде чем покончить с вопросом о типичности, мы должны упомянуть некоторые вопросы, которые мы считаем очень существенными. Советские рецензенты обвиняют нас в игнорировании важных региональных различий как в материальной, так и в духовной культуре, но их конкретные критические замечания по этому вопросу относятся почти исключительно к материальной стороне. Как мы уже говорили, мы не претендуем на многое в нашем освещении материальной культуры и надеемся улучшить его в дальнейшем. Однако некоторые замечания в этой части статьи советских авторов указывают на то, что они знакомы с другой нашей работой, посвященной весьма существенной стороне духовной культуры в русской деревне, а именно религии, хотя и не нашли нужным ее цитировать³⁵. Мы сожалеем, что они конкретно не обсудили нашего освещения религии, так как мы считаем это главным оригинальным вкладом нашей книги, несмотря на две группы ошибок, отмеченные в их статье на стр. 171. Нам, в частности, непонятно, каким образом Л. А. Анохина и М. Н. Шмелева могут в ослаблении влияния православной церкви видеть отражение отказа от религии в целом, но уставив сперва, является ли православие действительно преобладающей религией в рассматриваемом районе³⁶. Известно, что во многих местах, например в Тамбовской области, православие у крестьян уже в XIX в. было чисто номинальным. Казалось бы также, что отсутствие деятельной и авторитетной церковной организации должно способствовать дроблению религиозных групп и появлению отклоняющихся форм. Жаль, что этнографы не предприняли систематического обсуждения этих важных вопросов³⁷.

VIII. **З а к л ю ч е н и е.** Несмотря на полемический тон значительной части настоящего ответа, мы не хотели бы, чтобы нас поняли неправильно.

Мы высоко оцениваем научные достижения наших советских коллег; мы также восхищаемся успехами советских людей, достигнутыми в борьбе с препятствиями, о силе которых мы можем только догадываться. Мы сожалеем лишь, что ни один американский социолог не имеет возможности детально и непосредственно ознакомиться с жизнью советского сельского населения и не может в полной мере сотрудничать с советскими коллегами. Здесь не место обсуждать конкретные предложения, но мы можем заверить читателей, что такие предложения у нас есть. Откровенный и иногда резкий обмен мнениями, который мы пытались поддерживать в течение ряда лет, только подтверждает необходимость более полных и систематических научных контактов, которые должны

³⁴ Советский вариант «семейных автобиографий», собранных и опубликованных Оскаром Льюисом, был бы увлекательнейшим делом, хотя авторам следует уделять больше внимания, чем это делал Льюис, методологическим критериям и выбору объектов.

³⁵ Рассмотрение переселений в связи со строительством новых водоемов не находится (как можно понять из слов рецензии) на стр. 45—46 или на каких-либо иных страницах рассматриваемой работы. Оно опубликовано в нашей статье «Религия как орудие изменения в культуре: проблема сект в Советском Союзе (Religion as instrument of culture change: the problem of the sects in the Soviet Union)», «Slavic Review», 1964, vol. XXIII, p. 473, сноска 41), где высказывается предположение, что староверы-бухтарминцы были переселены в связи с постройкой плотин и затоплением. Это, конечно, лишь предположение, быть может и необоснованное. Во всяком случае мы не видели ничего, опубликованного о староверах-бухтарминцах позднее 1930 г.

³⁶ Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Религиозно-бытовые пережитки у колхозного крестьянства и пути их преодоления (по материалам Калининской, Костромской и Ярославской области), Сб. «Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР», М.—Л., 1966. Несмотря на интересные примеры неофициального повседневного поведения в отношении религии отдельных колхозников, эта статья разочаровывает своим обобщенным характером и не заполняет пробелы в монографии тех же авторов по Калининской области.

³⁷ Советские историки, как, например, А. И. Клибанов, гораздо менее нерешительны. Он отмечает, что ослабление (stripping) церковной иерархии приводит к возвращению к доцерковной ситуации; обрядность сосредоточивается вокруг тесно спаянной семейной группы. Он цитирует по этому вопросу работу З. А. Никольской в Тамбовской области (А. И. Клибанов, Научно-организационный и методологический опыт конкретных исследований религиозности, по материалам центральных областей РСФСР, Сб. «Конкретные исследования современных религиозных верований», М., 1967, стр. 28—29).

начинаться с равного доступа к опубликованным советским источникам³⁸ и включать широкую совместную полевую работу американских и советских исследователей по совместно разработанным программам. Это единственное решение стоящих перед нами проблем; пока оно не достигнуто, обе стороны будут только наблюдать тени друг друга, как люди в пещере Платона.

³⁸ Хотя здесь и не место подробно рассказывать о трудностях в поисках источников (особенно опубликованных 30—40 лет назад и более), мы хотели бы отметить, что при существующих условиях даже просто определить, имеются ли источники, цитированные, например, у Ю. В. Арутюняна (Указ. соч.) за пределами Советского Союза, представляет задачу огромной трудности, иногда неразрешимую. То же относится в еще большей степени ко многим работам, приведенным в книге «Народы Европейской части СССР». Нам представляется, что минимальным условием профессиональной и объективной научной работы является какая-то возможность быть уверенным, что та или иная тема в достаточной мере освещена в литературе.

Ст. П. Данн, Э. Данн

ОТВЕТ Ст. П. и Э. ДАННАМ

Мы с интересом ознакомились с ответом Ст. П. и Э. Даннов на наш отзыв об их книге «Крестьянство Центральной России»¹. Бесспорно, обмен мнений по ряду важных и методически трудных вопросов изучения современного быта чрезвычайно плодотворен: Вот почему мы так живо реагировали на книгу Ст. П. и Э. Даннов². Она, несомненно, должна была привлечь внимание американского читателя, и не только как учебное пособие (на чем особенно настаивают авторы), но и как работа, в которой сделана попытка некоторых теоретических обобщений относительно путей развития русского крестьянства. Об этом, кстати, говорит и автор предисловия к названной книге А. Вукинич. В своей рецензии мы и старались обратить особое внимание на эту сторону работы, ибо именно здесь заложены основные расхождения между нами и Ст. П. и Э. Даннами. Отметим лишь, что в качестве учебного пособия, на наш взгляд, книга Ст. П. и Э. Даннов страдает неравномерностью освещения поставленных вопросов, недостаточной тщательностью в подборе излагаемых фактов и излишней полемичностью.

Основные разногласия между нами и Ст. П. и Э. Даннами, как мы понимаем, проистекают из различия в идеологическом и методологическом подходе к явлениям и фактам. Как уже отмечалось в нашей рецензии (стр. 165), Ст. П. и Э. Данны используют работы советских ученых, написанные с позиций исторического материализма, лишь в качестве источника фактического материала, отбирая лишь те факты, которые соответствуют их идеологическим установкам, что и приводит к одностороннему освещению некоторых сторон жизни советского крестьянства.

Ст. П. и Э. Данны придают серьезное значение замечаниям, высказанным не только нами, но (как отметили сами Данны) и американскими рецензентами их книги, о том, что непропорционально распространять наблюдения, сделанные в одном районе, на более широкую территорию. В условиях России (и даже лишь центральной ее части) со свойственным ей разнообразием географических и экономических особенностей, с ее сложной социальной и этнической историей, такой подход чреват крупными ошибками. В их же книге речь идет о северной деревне Гадыши, расположенной в весьма специфическом районе. Даже сам М. Я. Феноменов отмечал, что эта деревня резко отличалась по условиям хозяйства и быта от русской деревни центральной полосы России³.

В Гадышах основу экономики крестьянской семьи (в значительной мере уже капитализированной) составляли промыслы, а не сельское хозяйство как таковое. И поэтому это последнее (система земледелия, животноводство, сельскохозяйственный инвентарь и т. п.) было крайне рутинно и сильно отставало от сельского хозяйства большей части районов Центральной России. Вот почему механический перенос явлений, характерных для Гадышей, на другие области центральной полосы России непропорционален. А между тем, Ст. П. и Э. Данны сосредотачивают свое внимание на отсталых формах сельского хозяйства и быта в Гадышах, находят им аналогии в других районах России, для которых эти явления в целом уже не характерны, и в результате примитивизируют картину жизни современной русской деревни, в чем мы и упрекали авторов в своей рецензии. Мы отнюдь не отрицаем возможности экстраполяции как приема исследова-

¹ S. P. Dunn and E. Dunn, *The peasants of Central Russia*, New York, Chicago, San Francisco, Toronto, London, 1967.

² См. нашу рецензию: «Русское крестьянство в освещении американских этнографов», «Сов. этнография», 1969, № 1.

³ Укажем, что в 1968—1969 гг. в селении Гадыши проводилось этно-социологическое исследование, результаты которого будут опубликованы в одном из ближайших номеров нашего журнала.